

Анна Швец

Методологические войны в англо-американском литературоведении:

«ПРИСТАЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ» И СУБЪЕКТНЫЙ СМЫСЛ

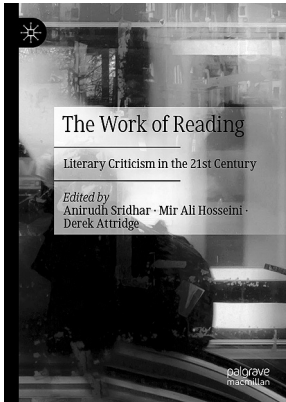
DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_321

The Work of Reading: Literary Criticism in the 21st Century /

Ed. by A. Sridhar, M.A. Hosseini, D. Attridge.

L.: Palgrave Macmillan, 2021. — X, 303 p.

Происходившие на протяжении последних двух лет (с 2020 по 2022 г.) кризисы привели к радикальной реконтекстуализации прежде привычных практик. Акцент на контексте разных действий — от оплаты банковской картой до, скажем, преподавания в школе или вузе — позволяет проблематизировать связь контекста и практики. Научная рефлексия над укорененностью практики в контексте уже сама становится привычной; подтверждение этому можно обнаружить и в академическом литературоведении.

Сборник статей «Работа чтения: литературоведение в XXI в.» представляет собой площадку, на которой ведут диалог разные поколения ученых. Первый редактор-составитель сборника — Д. Аттридж — заслуженный профессор Йоркского университета (Великобритания), второй — А. Шридхар — вчерашний докторант Оксфордского университета, третий — М.А. Хоссеини — докторант Фрайбургского университета. Среди авторов — признанные профессора (например, «неоформалисты» С. Вулфсон и Х. Даброу¹), доценты региональных университетов, молодые ученые.

Собеседниками коллектива авторов оказываются представители уже ушедшего поколения, классики современного англо-американского литературоведения — «новые критики»², а предметом обсуждения становится «пристальное чтение» (close reading) — и как программный метод «новых критиков», и как практика, конститутивная для дисциплины литературоведения. Составившие сборник четырнадцать статей складываются в остросюжетный исторический очерк продолжающейся борьбы за метод и за практику. Этот очерк мы вкратце воспроизведем

- 1 См.: *Dubrow H. A Happier Eden: The Politics of Marriage in the Stuart Epithalamium. Ithaca: NCROL, 1990; Wolfson C. Reading for Form // Modern Language Quarterly: Modern Language Quarterly. 2000. № 1. P. 1–16; Levinson M. What Is New Formalism? // PMLA: Publications of the Modern Language Association of America. 2007. Vol. 122. № 2. P. 559; New Formalisms and Literary Theory / Ed. by V. Theile, L. Tredennick. Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013 (рец.: Третьяков В. Что нового в «новом формализме»? // Новое литературное обозрение. 2015. № 133. С. 347–351).*
- 2 Среди них Дж. Рэнсом, К. Брукс, Р.П. Уоррен, У. Эмпсон, а также некоторые критики условно неокритического толка: Т.С. Элиот, Ф. Кермоуд, И.А. Ричардс и др.

ниже — вслед за Х. Даброу, которая в послесловии пишет не об отдельных статьях, а о затронутых авторами «показательных проблемах» (с. 280).

До «новых критиков» связь между литературоведением и практикой пристального чтения наметил Ницше, попутно дав определение этому типу чтения. Философ отмечал, что «филология управляется со своими предметами не так-то легко, она учит читать *хорошо*, то есть читать медленно, глубоко, оглядываясь назад и заглядывая вперед, с задними мыслями, с открытыми дверями, с чуткими пальцами и глазами»³. Читать, по Ницше, — значит раскрывать смысл слов и фраз (быть медленным, глубоко вдумываться), задавать вопросы о точке зрения пишущего (быть внимательным к нему), размышлять о конечной цели высказывания (осознавать скрытые мотивы), пересматривать собственные догадки по мере чтения (сохранять открытость ума, проявлять чуткость). «Пристальное чтение» как модус рефлексии связано с «формами интенсифицированного внимания»⁴. Эти формы внимания нередко понимаются как акцент на форме текста (микроуровне слова или фразы) и смыслообразующем потенциале формы.

По словам одного из авторов сборника, С. Вулфсон, «пристальное чтение (*reading*) — это глагол, а не существительное» (с. 203), или, говоря иначе, действие читателя: приложение внимания к тексту и последующее размышление над смыслами. В рамках школы «новой критики» практика пристального чтения стала основой аналитического подхода и была возведена в метод; подробный экскурс в «дисциплинарную историю» школы дан в статьях Д. Баттерсби, Г. Статена и С. Вулфсон.

Для К. Брукса и Р.П. Уоррена литературоведческий труд силен не теоретическим заходом, а «анализами отдельных стихотворений»⁵, или убедительностью перформанса «пристального чтения» (Баттерсби). Инструкция по распределению внимания при чтении и осмыслению этого опыта дана в монографии «Понимание поэзии»: внимание следует уделять стихотворению как стихотворению, а не как историческому источнику; обращаться с текстом следует идя от частного, конкретного к общему; стихотворение нужно воспринимать как органическую систему связей⁶. Литературовед должен сосредоточиваться на тексте (а не на внеположных, контекстуальных рядах) и выделять в нем структурные связи и их конкретные словесные проявления — как наделенные интенцией и смыслом.

Текст в качестве структурно упорядоченного целого конституируется читательским вниманием, то есть рецептивной установкой, которую критик должен воспри-

3 Ницше Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках / Пер. с нем. В. Бакусева. М.: Академический проект, 2000. С. 36 (курсив автора). Ср.: Ziolkowski J. What Is Philology? Introduction // On Philology / Ed. by J. Ziolkowski. University Park, PA: Penn State University Press, 1990. P. 6. В этой статье определение филологии как «искусства медленного чтения» приписывается Р.О. Якобсону (см.: Поллок III. Филология будущего? Судьба мягкой науки в жестоком мире / Пер. с англ. Н. Мовниной // Новое литературное обозрение. 2011. № 110. С. 113).

4 Термин «формы внимания» применительно к литературному тексту ввел Ф. Кермоуд в одноименной кн.: Kermode F. Forms of Attention: Botticelli and Hamlet. Chicago: University of Chicago Press, 1985. Т. Иглтон в сходном ключе отмечал: «В целом литература — это качество внимания. Это то, каким образом мы заранее настраиваемся на что-то, только взяв в руки книгу» (Eagleton T. The Event of Literature. New Haven, CT: Yale University Press, 2012. P. 56). См. также: Alford L. Forms of Poetic Attention. N.Y.: Columbia University Press, 2020 (рец.: Венедиктова Т. Поэзия и формы внимания // Новое литературное обозрение. 2021. № 169. С. 364–369).

5 См.: Understanding Poetry: An Anthology for College Students / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren. N.Y.: Henry Holt & Co., 1938. P. IX.

6 Ibid.

тывать в читателе (тезис Баттерсби). Неокритическое восприятие текста как целого продуктивно, если под целым подразумевать «артефакт» культуры (тезис Статена). Артефакт создан «искусником» (*artificer*), автором как мастером своего дела, и мастерство его заключается во владении «технэ» — навыком обращения со словесной формой. Последняя обретает способность передавать переживание субъекта и наделяется *субъектным смыслом*, имеющим эмпирическое, феноменальное и телесное измерения, как ниже уточняет А. Корнблу (с. 263). Такому смыслу присущи «прочерчивание нюансов, уточнение, синтез разных явлений», противостоящий «абстрактным социоэкономическим силам... и эпистемическим тенденциям обобщения и подсчета» больших данных (с. 267). Субъектный смысл — это опыт не окончательного, но значимого (на момент чтения) понимания текста и контекстов читательского переживания. Благодаря этому опыту мы можем переключить внимание с расхожих представлений и протокольных фактов об эпохе на необобщаемое и нередуцируемое в индивидуальном опыте. Субъектный смысл — основа эстетической ценности⁷. Длительный процесс аккумуляции, пересмотра и уточнения этих смыслов определяет семантическую структуру канонического текста как вечно актуального. Противоположностью субъектного смысла выступают легко объективируемые результаты анализа данных, будь то количество эпитетов в тексте или, например, собранные алгоритмами «Киндла» свидетельства о наиболее «цитируемых» фрагментах.

«Интенциональность воплощена в технэ»: поэтическая техника хранит отпечаток предыдущих употреблений другими поэтами, их субъектные интенции. Пишущий мастер (вслед за поэтом в «Традиции и индивидуальном таланте» Т.С. Элиота) становится «умелым оператором» (с. 37) «технэ». Он учитывает полифонию чужих интенций и подчиняет ее своей сольной партии. Именно субъектность этого «оператора» придает целостность словесному высказыванию, очерчивая его, подобно тому как имя автора задает референцию к корпусу текстов; именно эту субъектность и стремится реконструировать литературовед, изучая форму.

«Новые критики» не только предложили методологическую программу, но и создали на основе метода модель профессионального поведения. Она предполагала конечной целью реконструкцию исторически обусловленной субъектности, но за счет работы непосредственно с текстом (этот тезис одновременно выдвигают С. Вулфсон и Т. Айерс).

В обстоятельствах 1950-х гг. эта модель, сама по себе нейтральная, способствовала «становлению профессионала-мужчины, который утверждал себя в противовес женщинам либо для того, чтобы проявить снисходительность к ним, либо для того, чтобы завладеть их мыслями» (с. 205), — отмечает С. Вулфсон. Литературоведение в версии «новых критиков» сводится на уровне институционального взаимодействия к диалогу двух сторон. С одной стороны, это «непрофессионалы, читательницы» (с. 206) с присущими им нелегитимными практиками чтения (книжные клубы с характерным для них обсуждением личных впечатлений). С другой стороны — литературовед-мужчина, доктор наук, который ведет не книжный клуб, а

7 Ср.: «Возможно, одно из самых значимых открытий, спровоцированных катастрофическим опытом XX в., — концептуализация смысла как потребности, необходимой для поддержания жизни. <...> [Смысл] рассматривается как то, что можно утратить и обрести, выбрать и отбросить, переосмыслить и переопределить <...>, как то, в чем мы жизненно нуждаемся и дефицит чего регулярно обнаруживаем. <...> В центре подобной проблематики... находится фигура субъекта — того, кто присваивает смысл или задает его вектор, того, кто совершает выбор или отказывается от него» (*Касплэ И.М. В союзе с утопией. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 8—9.*)

семинар в располагающей к интеллектуальному диалогу аудитории, обставленной книжными шкапами (convivial room).

И сам метод, и способ профессионализации, связанные с практикой «пристального чтения», были растиражированы по всему американскому континенту в 1950-е гг. Несколько лет спустя «пристальное чтение» начнет утрачивать ведущие позиции в серии методологических войн, — войн не только за метод, но и за право репрезентации и за новые аудитории, а с ними — за институциональные ресурсы. При этом разные методы преследовали похожую цель — постижение опыта исторически конкретного субъекта. Кризис «пристального чтения» был не кризисом внутренней цели, а внешним кризисом гомогенной, привилегированной академической среды.

Внешний характер кризиса обусловлен отсутствием у литературоведческого знания внутренней пресуппозиции. Не фундированное безусловной, всеми разделяемой идеей (наподобие трансцендентной идеи Бога), литературоведческое знание определяется извне — теми, кто представляет литературоведение в поле науки в качестве практика: «Нет никакого способа утвердить... право языка создавать смыслы, — пишет один из авторов сборника, У. Раш. — Единственная возможность — [критическая] практика» (с. 130). Литературовед — это тот, кто в практике чтения превращает интерпретацию в успешный речевой акт, инструмент воздействия и изменения читателя: «Нам подобает писать со страстью и описательной точностью, которая возбуждает в читателе сходную страсть, похожую точность мысли, похожую чувствительность к деталям и механизмам аргументации... и самой радости чтения» (с. 131). Война с «новыми критиками» — это не в последнюю очередь война за место «ритора», который провозглашает от имени дисциплины собственное понимание субъектности. За несколько десятилетий «ритор» — мужчина — доктор наук в его обставленном книгами кабинете уступил женщине-этнографу из «книжного клуба».

Институциональная борьба и ее критика рассматриваются в статьях М.А. Хоссейни, У. Раша, Д. Аттриджа, Р. Макдоналда, Д. Баттерсби, Р. Изендрат. Они показывают, как «новых критиков» атаковали представители других академических культур (в частности, французской) и дисциплин: последователи деконструкции (П. де Ман и др.), исследователи гендерной идентичности (Дж. Батлер и др.), сторонники нового историзма (С. Гринблатт и др.).

Аттридж повторяет за Дж. Нортон⁸, что начиная с 1960-х гг. «критическая» (неокритическая) парадигма анализа текста сменяется «ученой» или даже «схоластической» парадигмой с ее «историко-контекстологическим» фокусом (с. 58). «Доминирующий модус» в англоязычном литературоведении с начала XXI в. и поныне, по словам Аттриджа, — «эмпирико-исторический» (с. 4).

Ориентированные на контекст методологические интервенции также предполагали чтение — как «одновременное прочтение и “литературных”, и “нелитературных” текстов», по словам Баттерсби (с. 104). Эти интервенции «были не просто попыткой дестабилизировать [неокритический] канон», они представляли собой дисциплинарную экспансию, цель которой — «расширить возможности литературоведческой работы с текстами, открыть возможности неожиданных контекстуальных сопоставлений или ввести в научный оборот контексты, ранее неопознаваемые или незаконные как контексты» (там же). Другая, непроговариваемая цель — репрезентация: признав эти интервенции как часть критического канона, открыть двери университета широкому кругу критиков-читателей (феминисток

8 См.: *North J. Literary Criticism: A Concise Political History*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2017.

и активистов, философов, историков) и их пониманию того, что значит быть субъектом в определенную эпоху. Ведь, как пишет Р. Макдоналд, «канонический текст» существует «благодаря множеству читателей и их посредству» (с. 142). В результате неокритическая монополия на производство знания о литературе была утрачена, а арена боя была отдана десятку специализированных научных лагерей, у каждого из которых была своя узкопрофессиональная задача: истории книги, микроистории публикационных институций, истории литературы как медиа, ретикам разных типов чтения и др.

Пролиферации методологических лагерей поспособствовала рыночная («неолиберальная», по выражению многих авторов сборника) экономическая модель управления англосаксонским университетом. Это внешнее обстоятельство помогло новым «риторам» закрепиться в дисциплине, но в долгосрочной перспективе скорректировало общую цель, связанную с важностью субъектного смысла.

«Старая, либеральная, система ценностей... уступила механизмам рынка. С тех пор будущее гуманитарных наук определялось исходя уже из новых правил. Не удивительно, <...> что методологические вопросы вышли на первый план», — резюмирует М.А. Хоссейни (с. 45). Методологическая новизна — это в первую очередь привлекательный интеллектуальный бренд и продукт, а междисциплинарность «целиком сводится к созданию новых проектов, областей исследования, бакалаврских, магистерских и аспирантских программ, продаваемых и масштабируемых на [академическом] рынке» (с. 48).

Приумножились и способы чтения (в смысле установления соответствий и встраивания их в смысловые порядки): к «пристальному чтению» добавились «симптоматическое чтение» (Л. Альтюссер, его ученик П. Машре⁹), «чтение» в виде изучения читательских реакций (С. Фиш¹⁰), «посткритическое» чтение (Р. Фелски¹¹), «поверхностное чтение» (С. Бест и С. Маркус¹²), «дальнее чтение» (Ф. Моретти¹³). Одни теоретики ищут в тексте симптомы дискурсивно не проговоренного социального опыта (Альтюссер) или видят в тексте набор данных (Моретти), подсвечивающих паттерны литературного и социального поведения. Другие, напротив, сосредоточены на опыте читателя (Фиш), если не на чувственном опыте чтения самом по себе (Фелски, Бест и Маркус), — в обход интерпретации как диагностической процедуры, при помощи которой исследуется референт текста. Тем не менее в основе — контекстуализация текста, а за ней — неизбежный «экстрактивизм» (пользуясь выражением А. Корнблу), «извлечение» и объективация смысла. Смысла какого рода?

-
- 9 См.: *Althusser L., Balibar E. et al. Lire le Capital. Vol. 1—2. P.: PUF, 1965; Macherey P. Pour une théorie de la production littéraire. Lyon: ENS Editions, 1966; Машре П. К теории литературного производства // Транслит. 2015. № 15—16 (<http://www.translit.info/materialy/15-16-vypuski/per-mashre-k-teorii-literaturnogo-proizvodstva>).*
- 10 См.: *Fish S. Is There a Text in This Class? Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.*
- 11 См.: *Felski R. Uses of Literature. Malden; Oxford: Blackwell, 2008* (рец.: *Зенкин С. Полезность словесности: (Заметки о теории, 24) // Новое литературное обозрение. 2011. № 109. С. 313—322*); *Eadem. The Limits of Critique. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2015; Eadem. Hooked: Art and Attachment. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2020* (рец.: *Венедиктова Т. Типология «привязанности» — обживание «посткритики» // Новое литературное обозрение. 2022. № 174. С. 317—323*).
- 12 *Best S., Marcus S. Surface Reading: An Introduction // Representations. 2009. Vol. 108. № 1. P. 1—21.*
- 13 Обсуждение книги Моретти «Дальнее чтение» (2013, рус. пер. 2016) см. в: *Новое литературное обозрение. 2018. № 150. С. 37—98. См. также блок рецензий в: Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 318—331.*

Метод позволяет подобрать ключ к определенной системе контекстов и получить наглядные научные результаты, мерило ценности которых — прикладная значимость и переносимость во внеакадемические контексты. Подходы, рассматривающие текст на фоне множества реконструированных контекстов эпохи, направлены на добычу новой информации, фактов позитивистского толка. «...Аспиранты, осведомленные о нынешних трендах, <...> исследуют архивы, занимаются историческими контекстами и извлекают на свет позабытых авторов второго ряда», — констатирует Аттридж (с. 4). Сторонники этих подходов при помощи «цифровой гуманитаристики» и когнитивистики «стремятся обойти проблему литературной интерпретации, задействуя компьютеры для обработки данных, чтобы создать новый тип знания о социальной и экономической истории», — пишет Р. Изендрат. Наконец, консервативные штудии в области эстетики, уже много лет ведущиеся исследования читательского опыта (критика читательского отклика), внимание к аффекту и «привязанности» к тексту (посткритика Фелски) поставлены на службу индустрии «консюмеризма опыта» (experiential consumerism), плоду новых медиа и социальных сетей. «“Копирайтер в сети”, “SMM-менеджер”, “редактор веб-контента” — вот самые распространенные вакансии для выпускников-литературоведов, — резюмирует Хоссейни. — Чем больше студенты знают об “аффекте” и о “привязанности” к тексту, тем лучше они будут создавать и оценивать контент, а сам этот контент — захватывать наше внимание (attach us) и воздействовать на нас (affect us)» (с. 61).

Получаемые научные результаты проблематичны в том смысле, что не уточняют понимания литературной ценности (literary value) текста, — об этом пишут Р. Макдоналд и А. Корнблу. Литературная ценность заключена в специфике литературного смысла: этот «смысл возникает в активном взаимодействии между объектом и читателем, который с текстом неразрывно связан», — пишет Макдоналд (с. 139). Крупный теоретик герменевтики литературного смысла Ф. Кермоуд замечал, что «в литературе, как в жизни, человеку свойственно стремиться к законченной смысловой, читаемой форме, а такая форма скомпрометирована постоянной неопределенностью»; в результате возможен только «неокончательный, ориентировочный (provisional) смысл» (там же). Такой промежуточный смысл все же удовлетворяет читателя в качестве руководства по интерпретации и книги, и собственного опыта. Становление этого смысла нередко включает в себя момент удивления (Д. Аттридж, Э. Руни). Литературный смысл, таким образом, возникает благодаря приему остранения, инсайту, который сообщает субъекту новое видение реальности и себя в ней¹⁴.

В ходе институциональной борьбы указанные разновидности чтения («пристальное» — в меньшей степени) подменили работу с субъектным смыслом объективируемыми, «экстрактивистскими» результатами-фактами или методическими рекомендациями по воздействию на пользователя социальных сетей. Защита «пристального чтения» как практики осознается как способ заново обосновать и вернуть «литературную ценность» и субъектный смысл, а тем самым — добиться внутренней эмансипации дисциплины как от запросов рынка, так и от внутридисциплинарных баталий. Впрочем, нельзя не отметить уязвимость попыток выступить в защиту «пристального чтения» в нынешнем контексте, прорулив между Сциллой узкоспециализированных подходов и Харибдой академического рынка.

14 См.: Швец А. Остранение как способ познания: проблемы и перспективы: Международный круглый стол «Удивление от текста: остран(н)ение в аспекте когнитивной прагматики» (МГУ, 29 марта 2021 года) // Новое литературное обозрение. 2021. № 171. 427–432.

В этом, пожалуй, заключена слабость рецензируемой книги. Каждый автор сборника ощущает «странность» занимаемой позиции, поскольку призван «защищать практику», которую литературоведы, как пишет Айерс, «по общему мнению, <...> презирали» (с. 244).

Позитивная программа по реинституциализации пристального чтения как осевого дисциплинарного метода весьма расплывчата. Конечная цель этого предприятия довольно общо сформулирована в статье С. Гримбла: «Студент, полагающий себя активным гражданином, зачастую... хорош и как читатель, и как интерпретатор, и как ученый» (с. 176). Культивировать навык пристального чтения необходимо для того, чтобы развить обостренное внимание к становлению смысла — не только в литературном тексте, но и в социальных дискурсах — и тем самым превратить образованного читателя в сознательного гражданина полиса (локального и глобального, реального и виртуального).

В борьбе за возврат к «пристальному чтению» принципиальными союзниками (и одновременно оппонентами) выступают Фелски с ее проектом посткритики, Бест и Маркус с родственным проектом «поверхностного чтения», а также К. Левин с ее концепцией формы как одновременно литературного и социального феномена (инструмента упорядочивания эстетического, социального и политического опыта)¹⁵. Критические проекты этих исследователей сходятся в одном проблемном фокусе: предлагают исследовать акты отношения реципиента к тексту и текста — к реципиенту. Узнаёт ли читатель себя в книге, проецирует ли свой опыт на описанные в тексте события и переживания, сочувствует ли персонажу? Какие элементы текста вызывают наибольший чувственный отклик и чем специфичен их порядок? Меняет ли известный текст социальное поведение и распространенные представления, заставляя окружающих сверять свои поступки и идеи с вымышленным человеком? Критики, по словам С. Гримбла, «реагируют на интуицию, что литературоведение и литературная критика должны обладать практической значимостью» (с. 179), то есть на интуицию, что литературоведческое знание востребовано за пределами дисциплины, а таким знанием считается знание о читательском взаимодействии с формой и о возникающей личной связи между читателем и произведением.

Тем не менее к описанной парадигме предъявляются претензии. Первая слабость критиков, близких к Фелски, — это преобладающий отказ от полного перевода опыта чтения на метаязык теории (Э. Руни). Отсюда — настойчивое предложение посткритиков порвать с «герменевтикой подозрения» и избегать системных обобщений в пользу подробных описаний читательского опыта ради самих описаний и проявления в них специфики связи между текстом и читателем. Претензия в том, что это не попытка запечатлеть «текстуру эстетического опыта», а не вполне профессиональное чтение, ведь превосносимые посткритиками аффективные стратегии чтения «не посткритичны, а предшествуют самой литературной критике», как пишет Д. Баттерсби (с. 94). Вторая слабость посткритического проекта заключена в недостаточном количестве образцовых прочтений, фундирующих метод (Э. Руни, Д. Баттерсби), то есть в том, что теоретическая заявка не до конца переводится в плоскость практики. Фелски скорее фиксирует сегодняшнее состояние дисциплины и предлагает футуристический проект, чем реально стоит во главе методологической революции.

Впрочем, похожую претензию можно адресовать и авторам сборника: они почти не предлагают конкретных шагов, нацеленных на то, чтобы практика «при-

15 См.: *Levine C. Forms: Whole, Rhythm, Hierarchy, Network. Princeton: Princeton University Press, 2015.*

стального чтения» вновь стала бы первостепенной в гуманитарном образовании в связи с самопроявлением субъекта как ценностью. Сборник силен не в прогностическом, а в диагностическом плане, пусть иногда диагностический пафос и приобретает карикатурный оттенок. Так, Р. Изендрат посвящает свою статью сравнению типичного читателя — апологета «схоластической парадигмы» с шекспировским Полонием. Полоний, начитанный и осведомленный придворный, полагается исключительно на внешние источники информации (доносы присных), распространенные стереотипы и цитаты из книги «общих мест», а не на собственные опыт и ум — и потому не понимает положения дел в Датском королевстве. Антипод Полония — идеальный читатель литературного произведения Гамлет: он получает информацию о предмете в контакте с ним, а не опосредованно, открыт новому опыту и готов отказаться от усвоенного ранее знания, поэтому ему открывается истинное понимание. Участь Полония незавидна — и таковая предрекается всем эмпирикам от литературоведения, но при этом не упоминается, что не лучше и участь Гамлета, которого отличают бездействие, апатия и избыточная рефлексия. Методологическое переопределение «пристального чтения» составляет лейтмотив сборника, но остается так и не достигнутым. Вместе с тем авторам удалось показать ценность этой практики и вновь привлечь к ней внимание.